

ВЕНОК ПОСВЯЩЕНИЙ родным и близким

ДИАЛОГ

Феодору Достоевскому, литератору и пророку

Молчали равнодушные сердито,
шли в петлю недовольно экстремисты,
эстеты развлекались птичьим свистом,
кастраты распинали Афродиту...

Повсюду Фатума свирепые следы,
незрячий хаос уличён и арестован,
свободы бред давно опротестован,
ход зла изучен, как состав воды.

(Везде Пародии свирепые следы,
свободный выбор уличён и арестован,
свободы дар давно опротестован,
наш путь исчислен, как состав воды.)

Вселенная в барьерах и заглушках,
где атом в атом чередой marschiert,
где Лейбниц гладок, скуп, спокоен, сыт,
Где Достоевскому, как на распяты, душно...

Но, к счастью, идеал недостижим:
неясен путь к помпезному пределу,
и дураки чернят пустое дело,
и страшен чёрных дел кровавый грим.

Р. С. Лейбниц (подобно карамазовскому чёрту) считал зло необходимым элементом совершенного порядка вещей, оттеняющим добро.

ГЕРАКЛИТ (фреска в приделе церкви)

Брату и Маргарите

Воды те же, а я другой.
Воды те же, а мы иные...
Берегут мятежный покой
древнегреческие часовые.

И стоит во дворе трава,
И лежат на траве дрова,
и пылает огонь Гераклита
в сердце юного неопита.

Он плывёт по реке один,
он давно погрузился в Лету –
в те же воды, которых нету,
никому никогда господин.

Он упал в прошлогодний снег,
утонул в потоке забвенья,
для спасительного воскресенья
совершив последний побег.

Его спас Неведомый Бог,
поразивший слепого Савла,
воссиявший апостолу Павлу
в темноте его прежних дорог.

ОДНАЖДЫ

Олегу Капорейко, таёжнику и литератору

Встать,
увидеть зарю,
прошагать километров за тридцать,
проломить первый лёд,
провалиться,
тонуть,
снова к жизни вернуться,
руки греть у огня,
окупаться в ласку дружеских глаз,
видеть, чувствовать, знать,
как теплеют небритые,
в трещинах губ,
огрубелые впалые лица,
и понять,
что с такими друзьями
и в море нельзя
утонуть.

«ШИНЕЛЬ»

Николаю Гоголю, православному литератору

Акакий шил шинель...
Обидел генерала.
Я дальше позабыл:
испортилась игла?
В тюрьму он угодил,
когда гнилой апрель
дудел в свою дуду?
А, может, просто умер,
узнав, что по суду
он должен всё отдать...
Недолго страшный суд.
Акакий титулярный...
Коллежский регистратор?
В переводе – мешочек пыли,
который византийский император
при коронации
держал в руке.
Державною рукой
держал мешочек пыли
как символ бренности...
Подумай о земном:
здесь пепел, тлен...
поёт свирель свирепо,
буянит барабан,
в ночной тиши
бормочет злой волшебник
нелепые слова.
Рога и хвост,
хохочем,
шьём шинель...
Не в Бога богатеем?

Император...
Крупнозернистый жернов
перетирает
вчера и завтра
бред земных забот.

И вдруг труба:
Акакий!
Суета!
Мешочек пыли!
Кусочек регистратора.
Адью...

ЭПОХА

Игумену Димитрию

«Кругом измена, трусость и обман», -
написано на знамени эпохи.
Последней совести невидимые крохи
упали в поднебесный океан.

И тут же обнаружился изъян,
поникла негасимая лампада,
упала государства колоннада,
царь угодил в поставленный капкан.

Сто лет гремел армейский барабан,
сто лет Россия кровью истекала,
но Богородица покровом покрывала
замученных врагами христиан.

И, наконец, рассеялся туман,
и храм возник из гибельного пепла,
и Церковь Русская восстала и окрепла...
Но не исчез геенский истукан –
от крови пьян.

МАРИЯ

Роза туманная робко воспряла
из праха земного,
чтобы безмолвно упасть
в тёмное лоно земли...

Трепетный образ её тихо уснул
в тайне полуденных глаз
вечной Марии.

Белые три лепестка,
Лилия-крин...
Нас посети
в дни испытаний и бед.

РУАХ, ЛЮБОВЬ – КРОВЬ

Всем скорбящим в разлуке

Что-то один увидел в другом...

Образ Божий?

И это уже никогда он
забыть не может.

Один остался, другая ушла
вечного дня на рассвете.

Да осенит нас с тобой навсегда
вечного дня ветер.

Можно развеять в минутах и днях
первой влюблённости пепел.

Но не забыть никогда-никогда
вечной любви ветер.

Только это с собой возьмём
туда, где обитель Бога.
Правда, идущих туда вдвоём
узкая ждёт дорога.

Каждый лицо разбивает в кровь,
если идёт беспечно.

Но если цена похода любовь –
каждый живёт вечно.

1917 – й

Протоиерею Сергию, впервые соборовавшему Марию

Уже расставляли силки генералы,
гучковые сети плели...

Мечтали о розовых карнавалах
на плянцевом теле земли.

Ещё монархисты тихонько спали,
топор не точил палач,
ещё в ипатиевском подвале
детский не слышен плач.

Уже наострил генерал Алексеев
иудин свой поцелуй.

Уже легион плевелы посеял
и сатане присягнул.

Уже Керенский и Троцкий метят
место, где царь ходил.

И только иконою Бог ответил
на вызов подземных сил.

ХРАМ-на-КРОВИ

Архиереям Мелхиседеку, Никону, Викентию

Сораспинаемся Христу,
на древе тихо умираем...

Животворящему Кресту,
растущему посреди рая,

монах моление поёт,
богослужебные молитвы.

И солнце красное встаёт
над полем духоносной битвы,

и освещает белый храм,
стоящий на крови страдальцев, –

сей памятник святым царям
воздвигнут тщанием уральцев.

Как память всем ушедшим дням,
воспрянувшим и вновь увядшим,
словам и людям, и огням,
в Земле Российской воссиявшим.

Не видит наш короткий взор,
что будет у границы неба:
восстание или позор,
упадок сил или победа.

Бессмертен лишь небесный дом,
бессмертны подвиг и отвага,
причастия святая влага
и воскресенье со Христом.

P.S. Св. Андрей (константинопольский юродивый) видел животворящий Крест в раю.

ЛИКИ и ЛИЦА

Игумену Гермогену, хоронившему Марию

Холод белого лица,
уст бескровных тихий шёпот,
бесов бред и буйный ропот
у змеиного кольца.

Шёпот тихого лица,
лестниц белые ступени,
прошлого седые тени,
зов небесного гонца.

Скорбь тернового венца,
радость, свет и воскресенье,
ангелов святое пенье
у церковного крыльца.

Радость тяжкого креста,
ангелов родные тени,
в небо трудные ступени,
лик небесного Отца.

ВСТРЕЧА

Деду Михаилу и бабушке Александре

Старый стол и доски гроба...
Старый двор прошу не трогать,
тополя прошу любить –
здесь деревья высшей пробы.
Здесь жила моя зазноба,
здесь жила моя жена,
многолетняя подруга,
буйная моя супруга
здесь со мной обручена.

Старый стол прошу не трогать...
Не уродовать, не жечь...
Старый двор прошу беречь.
Чьи-то души высшей пробы
здесь летают иногда.

Господи, в мои года
мне о том ли думать надо...
Неземная ждёт отрада
или каторги венец.
Или встреча – наконец!

ПУТЬ – ДОРОГА

Сыну

А мы идём и не глядим назад,
Орфей давно забыл про Эвридику,
подошвы мнут загробную гвоздику...
Жизнь оседает тихо за порогом.
Кто помнит про обратную

дорогу?

И юности танцующий парад
уходит с площади, чтобы обнять другую,
благоустроенную, ярко-голубую,
где только в небе робкая тревога...
Не в бесконечность ли идёт

дорога?

Не утихает к старости азарт:
догнать, убить, поставить пышно в раму!
Остановиться? это было б странно...
Грядущее не судит слишком строго.
Но долго ли тепло хранит

дорога?

ВЕЧЕР

Татьяне Марковой и Владимиру Микушевичу, сестре и брату во Христе

Неожиданно синий вечер
из ворот выходит навстречу.
Весь он правда – ни капли лжи.
 Ослепительно жёлтый вечер
 на ветру зажигает свечи,
 освещая мне пропасть во ржи.
Злонамеренно резкий ветер
белый флаг мне швыряет на плечи.
Он не знает, что я ещё жив...

ИНАЧЕ

Отцу и маме

Кто в углу тихонько плачет,
кто рыдает, кто поёт...
А кто может жить иначе,
тот святую воду пьёт.

КРАСНАЯ ЛУНА

Сестрице Гале

Рыжие травы и старое майское поле.
Месяц и травы играют на буйном просторе.
Нежные кони резвятся на волюшке-воле...
Кто перескажет звенящих стихий разговоры?
 На волюшке-воле,
 в церковном притворе,
 на горе и в поле...

ПЛАТОН и ап. ПАВЕЛ (концепция и откровение)

А. Ф. Лосеву, русскому мыслителю

Наше тело – тюрьма,
где душою томимся.
Наше тело – застенок,
где терзают царя.
На свободу уйдём,
когда в прах обратимся,
когда утро вернётся
вчерашнего дня.

...

Тело – храм,
душа – обитель,
где витает благодать,
Дух Святой – путеводитель,
наш наставник и учитель,
до Него рукой подать...
Да рукой не взять.

СМЕРТЬ и ВРЕМЯ

Вл. Соловьёву, философическому поэту

Древо смерти среди рая:
кто отведал – умирает.
Вот оказия какая...
Двери ада созерцая,
тело смерти выбираем.

Смерть и время царят на земле,
ибо тело из времени соткано,
наше тело Адамом испорчено,
потому исчезает во мгле,
обращается в тлен...

P.S. «Древо жизни, разумеется, есть древо, созидающее жизнь, а древо не-жизни есть древо, созидающее смерть» (св. Максим Исповедник). Древо смерти, по св. Максиму, есть библейское древо познания добра и зла.

Наши прародители добровольно выбрали себе тела, сотканные из времени («ризы кожаные»), когда изменили Богу и пошли за диаволом. Но придёт время – и времени больше не будет.

МОЛИТВА

Дочке и сыну, Юле и Павлу

Посреди пылающих зорь,
посреди увядающих трав
утоли, Господи, мою боль,
укроти, Господи, мой нрав.

Помяни, Господи, кто ушёл – всех,
кто любил меня и немножко знал
(кого я любил и не забывал),
укрепи, Господи, мой дух,
чтобы духом, Господи, я не пал.

Помяни всех, ненавидящих нас,
упокой тех, кто давно ушёл...
Пусть услышат Твой исцеляющий глас,
чтобы стало им у Тебя хорошо.

Посреди умирающих жёлтых трав,
посреди погибающих красных зорь
подари нам, Господи, добрый нрав,
чтобы адская нас не терзала боль.

